

ВЕСТОЧКА

За окнами — дудки и клевер,
местами мелькнет зверобой.
Прямую дорогу на север
цветы нам укажут с тобой.

Я весточку ближним отправлю,
столичные сброшу тиски,
усну и проснусь в Ярославле
в предчувствии русской реки.

И, за руки взявшись, недолго
мы будем смотреть в темноту,
где плещется сонная Волга,
горят огоньки на мосту.

Хотя ничего не исправить
в разбитой годами судьбе,
за эту нелегкую память,
родная, спасибо тебе.

Спасибо тебе за немилость,
которая ждет впереди.
Из сердца любовь испарилась,
но плещется Волга в груди.

Ты как жена ложишься с краю,
и мы о многом говорим.
Я очень плохо понимаю,
зачем вообще мы вместе спим?

Ты ищешь дом, а я бродяга,
я не тактичен, даже груб.
За дверь вымерла общага,
и я твоих касаюсь губ.

Спокойно, Боже, как спокойно,
как на душе моей светло!
Пускай ты большего достойна,
но если будет тяжело,

не застрелюсь и не повешусь,
с балкона вниз не лomanусь:
тобой, одной тобой, утешусь,
тобой, одной тобой, спасусь.

ЛАДВА

В низине средь сосен и елок,
хлебнувший страданий и бед,
затерян карельский поселок,
где я появился на свет.

Рекою от уха до уха
разрезан на две стороны.
разруха, разруха, разруха,
как после гражданской войны.

Зачем же я здесь очутился
и не позабуду никак
квартиру, в которой родился,
и Ленина ржавый пиджак,

мосты и развалины храма,
который погиб от огня,
то время, где папа и мама
немного моложе меня.

Да, были и ахи, и охи,
но все же горели огни,
а мне от прекрасной эпохи
остались осколки одни.

И я не найду теперь средство,
движение легкое, чтоб
опять превратить это место
в сверкающий калейдоскоп.

Как слюбится, так и разлюбится,
природа, наверно, права —
в оазисе ищет верблюдица
места, где сочнее трава.

Жевать бы ей жвачку колючую,
с полынью мешать саксаул,
да встретил ее, неминуемую,
и жизнь словно в карты продул.

Все верится — вот настоящее,
а не мимолетная блажь,
лишь с виду картинка блестящая,
на деле — обычный мираж.

Дотронься рукою до воздуха —
пройдет по картинке волна,
искал я покоя и отдыха,
но в сердце и в мире война.

Грохочет салют над столицею,
девчонка со спрайтом стоит,
толпу окружила полиция,
по телику кто-то убит.

Вгрызается в мозг информация,
на башне салат из знамен,
и гибнет великая нация
под натиском пришлых племен.

Господне свершается мщение,
прогресс по наклонной идет,
и только одно ополчение
надежду и гибель дает.

Словно горсть непокорной земли
разбросала война обелиски.
Мы в чертоги Победы зашли
и погибших увидели списки.

Мимолетная память войны —
имена, что отныне забыты,
где бутылки больные сыны
расхвостали о грубые плиты.

Свою силу утратила соль.
Под скупые осенние вдохи
мы впитаем отжившую боль
отшумевшей советской эпохи.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Разминая ленивые ноги,
я гулял по Москве сколько смог
и сорвал у железной дороги
мать-и-мачехи желтый цветок.

Бесконечно судьбе благодарен
за простую земную красу,
я возьму этот желтый фонарик
и в общагу его отнесу.

И пускай он под вечер завянет,
как завяли другие цветы.
Не печалься, светлее не станет,
если будешь печалиться ты.

* * *

Как осень за дымкой тумана,
как праздники, пьянки, цветы,
надежда — продление обмана,
обман — продолжение мечты.

И после такого нелепо
в сознание чужой правоты
смотреться в московское небо,
где нет ни единой звезды.

Каленая прихоть, причуда
с поправкой на гений и труд.
Свалить бы скорее отсюда
туда, где жалеют и ждут.

Соринка, жестянка, шутиха,
мелькнувшая в сизом дворе.
Мне будет спокойно и тихо
лежать на Поповской горе.

* * *

С утра проснешься на работу,
а день такой же, как вчера.
Попил чайку, прогнал зевоту,
уж на работе быть пора.

Идешь и думаешь о разном:
о смысле жизни, о судьбе,
о нашем мире безобразном,
и вдруг привидится тебе,

как будто ты один в ответе
за этот дикий вертоград,
но так же умирают дети,
и так же нищие смердят,

низы молчат, верхи воруют,
сосед спешит за наркотой,
и так же женщины торгуют
своей фальшивой красотой.

Бушуют войны и раздоры,
в умах разруха и бардак,
и бесполезны уговоры
и обещанья райских благ.

И ты уже придумал кары:
болезни, бедствия, потоп,
готовишь бури и пожары
и истребление нон-стоп.

Готов разрушить все на свете,
сам свет тебе уже не мил.
Но вот во двор выходят дети,
и ты прощаешь этот мир.